

- - [Очерк истории христианства у славянских народов](#)
 - [I. Распространение христианства между южными и западными славянскими племенами до св. Кирилла и Мефодия.](#)
 - [II. Св. Кирилл и Мефодий и их проповедническая деятельность у южных и западных славян.](#)
 - [III. Судьба христианства у западных славян после св. Мефодия. Насильственное распространение латинства у славян прибалтийских.](#)
 - [IV. Подавление православия латинством в других западно-славянских племенах, просвещенных св. Мефодием. – Очерк истории христианства в Чешской стране.](#)
- [Примечания](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)

Введение

Содержание

В виду живого интереса, мало-по-малу пробуждающегося в русском образованном обществе к судьбе единоплеменных нам славянских народов, *Православное Обозрение* желало бы по возможности чаще давать на своих страницах статьи, относящиеся к церковной истории и современному религиозному состоянию южных и западных славян. Редакция усердно просит людей, знакомых с этим делом, помочь ей своими трудами. Настоящая статья, представляющая в сжатом, но цельном очерке самые главные – самые общие Факты славянской церковной истории, может служить как бы введением – первоначальным руководящим пособием к разъяснению частных вопросов славянской истории для тех читателей, которые сами мало имели случаев заниматься

ею.

Для тех же читателей, которые пожелали бы обстоятельнее ознакомиться с теми Фактами и вопросами, которым слишком коротко и легко касается предлагаемая статья, считаем излишним напомнить, что в настоящее время на русском языке есть уже не мало серьезных сочинений по истории славянской, между прочим и церковной. Прежде всего мы должны назвать здесь недавно изданные три тома сочинений замечательнейшего нашего славяниста Л. Ф. Гильфердинга. Много фактов для славянской собственно церковной истории находится в одном из последних изданий незабвенного труженика нашей науки, покойного Филарета архиепископа черниговского «Святые южных славян» (к сожалению труд этот, изданный в Чернигове, в свое время почти никем не был замечен, и его трудно найти в продаже) Важное значение для славянской истории имеют также Кирилло-Мефодиевский Сборник, изданный Погодиным, исследование Бодянского (о времени происхождения славянских письмен и др.), Срезневского, Горского, Погодина, Ламанского, Лавровского, Майкова (История сербского языка), Билярского (Судьбы церковно-славянского языка, о реймссском Евангелии), Григоровича, Венелина, Палаузова (Век болгарского царя Симеона и др.), Новикова (Лютер и Гусь, Православие у чехов), Елагина (Замечание на историю Палацкого), Макушева (Придунайские и адриатические славяне), Пыпина и Спасовича (Очерки истории славянских литератур). Из переводных сочинений по истории славянской нужно, назвать прежде всего «Славянские древности» Шафарика, «Историю первобытной церкви у славян» Мациевского, «Историю Галицкой или Червонной Руси» Зубрицкого, недавно переведенную «Историю Чешского Королевства» Томка, «Историю Сербии» Ранке, Много серьезных статей, относящихся к истории и современному состоянию славянских народов, можно найти в журналах прежних лет, преимущественно в *Русской Беседе*, также в *Москвитяине*, *Московском Сборнике* 1847 и 1852 года в *Чтениях Общества Истории и Древностей*, в *Журнале Министерства Народного Просвещения*. В светских журналах последних годов стоит обратить внимание на ряд переводных статей, помещавшихся в *Отечественных Записках* под заглавием: «Турки, Греки и Славяне». Несколько статей, относящихся непосредственно к церковной истории славянства, было в духовных журналах: *Христианском Чтении*, *Православном Собеседнике*, *Православном Обозрении*, *Духовной Беседе*. Не упоминаем о замечательных иностранных сочинениях по части славянства, а также о самых первоначальных памятниках славянской истории и старых

исследованиях о ней. Ссылки на них желающие и нуждающиеся в том могут найти в указанных нами русских сочинениях.

К сожалению, все это не приведено в порядок, а потому и мало доступно большинству читателей. Результаты частных работ мало обобщены. Во всей русской, да и во всей европейской литературе – нет ни одного сочинения, полно и цельно обнимающего политическую историю славянских народов. О церковной истории нечего и говорить. Здесь еще не было даже и попытки выделить и представить в живой связи, в цельном очерке, факты религиозной истории славянства. По необходимости здесь приходится начинать с азбуки, довольствоваться на первых порах обобщением самых элементарных сведений. Считаю особенно благовременным напомнить читателям о религиозной судьбе славянства именно в настоящее время. 14 февраля нынешнего года будет тысячелетняя память кончины великого просветителя славян св. Кирилла. Чем-то отзовется этот день в судьбе славянства, и чем-то отзовется славянство на этот день...

**Очерк истории христианства у
славянских народов**

I. Распространение христианства между южными и западными славянскими племенами до св. Кирилла и Мефодия.

Славянские племена издавна (полагают, еще века с VIII или VII до Р. Х.) населяли северо-восточную половину Европы, т. е. большую часть европейских областей русского государства и те области австрийской и турецкой империи, какие они и теперь занимают. На запад Европы в древности поселения славян простирались даже гораздо далее, нежели теперь простираются. На юго-запад, по берегам Адриатического моря, поселения славян доходили до Венеции. В древней Паннонии, нынешней Венгрии, искони население было славянское; мадьяры утвердились здесь уже в X веке. Прибалтийские области нынешней Пруссии – между Вислою и Эльбою (Лабою) населены были славянами; здесь жили некогда сильные славянские племена – венды, лютичи, бодричи и др., почти совсем исчезнувшие, т. е. утратившие свою народность.

Христианство между славянскими племенами, особенно близко прилежащими к Греции и Риму, начало распространяться весьма рано. В Паннонии, Иллирии, Далмации, Македонии, Фракии, у славян при-дунайских христианство существовало по местам с самых времен апостольских. По древним преданием апостол Андрей проповедовал христианство по западным и северным берегам Черного моря, по Дунаю и вверх по Днепру даже до Киева; евангелист Лука и другие ученики апостола Павла проповедовали по берегам Адриатического моря. Проповедь их должна была коснуться и племен славянских, живших в этих странах между другими племенами. В Паннонии в самые первые века христианской истории было известно несколько епископских кафедр, и во главе их митрополии в Сирмиуме (Среме). У славян, при-дунайских издавна известно было епископство в Томе (ныне местечко Кюстенже). Во времена гонений на христианство от римских императоров-язычников было много мучеников из славян, и между ними несколько епископов. Напр. во времена Диоклитиана пострадали Иринея, епископ сремский и Евсей кивальский с чтецом Публием из Паннонии (память их 26 марта), Евангел епископ томский с пресвитером Ениктетом (8 июля), у славян при-дунайских, и др. В IV веке, во время гонений на церковь от арианина императора Валента, христиане славянских при-дунайских областей

прославились особенною приверженностью к православию (св. мученик Ветран, епископ томский, и его ученый преемник Феотим, к которому с особенным уважением относились самые замечательные его современники- св. Златоуст, блаженный Иероним и церковные историки Созомен и блаж. Феодорит.) В начале V века из южно-славянских епископов славен был своими миссионерскими подвигами св. Никита ремесианский.

При всем том одна-коже христианство у южных и западных славянских племен далеко еще не было распространено во всем народе, а держалось только по местам и поэтому было довольно не крепко. В IV и V веках новые варварские народы, устремившиеся с востока на римскую (империю, во многих местах подавили начатки христианства, по крайний мере на время. Так в Паннонии, со времени нашествия гуннов, исчезают следы христианских епископий. В VI веке делаются особенно известны епископские кафедры у славян адриатических в г. Сплете (Спалатто в Далмации), и у славян македонских – в Охриде; из этого последнего города от славянской семьи произошел знаменитый в истории византийской империи император Юстиниан (по-славянски Управда), утвердивший за епископской кафедрой своего отечественного города права независимого (автокефального) архиепископства. В конце VII века возбуждено было сильное движение в пользу христианства у славян юго-западных – сербов, хорватов, иллирийцев. Греческий император Ираклий распространил свое влияние на эти племена, и вместе с тем открыл к ним более свободный путь влиянию христианства.

Но около того же времени христианство стало подвергаться сильному гнету у славян при-дунайских, фракийских и македонских. Сюда пришло от берегов Камы и Волги новое племя – болгары. Сильные и храбрые, они постепенно от берегов Дуная проникали далее и далее во внутренние области византийской империи, населенные славянами, и христианство в этих областях было подавляемо на время. Но так как эти болгары по образованию своему были ниже славян, покоренных ими, то они сами стали подчиняться влиянию славянской народности – языку, нравам и вслед затем и религии славян, так что постепенно слились с ними и дали свое имя покоренному ими южно-славянскому племени. Успешное распространение христианства между болгарами в начале IX века чрез греческих пленников, захваченных сильным болгарским князем Крумом, преимущественно чрез адрианопольского епископа Мануила и дебелытского Георгия, возбудило опасение и сильную реакцию против христианства со стороны правителей болгарских. По приказанию князя

Крума, болгарский военачальник Цок зараз умертвил около 400 знатных христиан, и между ними двух своих старшин военных начальников. Сын Крума Муртагон (или Крутогон) также неблагосклонно относился к христианству, а внук Маломир приказал казнить даже родного брата своего Бояна, который умирая предсказал, что скоро «вера, за которую он страдает, распространится во всей стране болгарской.» Преемник Маломира-другой брат его – Пресиам действительно уже благосклонно относился к христианству, а сын Пресиама Борис открыто принял христианство и утвердил в своей земле.

К тому же времени открылось движение в пользу христианства и между западными славянами. Карл Великий, подчинивши себе различные племена германцев, начал распространять своё влияние на соседственных с ними славян, живших в Моравии, Паннонии, Богемии и прибалтийских землях. Между всеми покоренными племенами он старался распространить христианство если не путем проповеди, то мерами насилия. В следствие этого, со времени Карла и при его преемниках начали появляться немецкие проповедники в Моравии, Паннонии, Богемии и у славян прибалтийских. Но так как они проповедовали на языке непонятном славянам, везде старались вводить богослужение по обычаю западному исключительно на латинском языке, и нередко возмущали народ своими властолюбивыми и корыстолюбивыми притязаниями, интригами и насилиями, то к проповеди их славяне большею частью относились с недоверием, а иногда с ожесточенным сопротивлением. Западные славяне мало-по-малу приобретали понятие о христианстве, и не могли не относиться к нему сочувственно, – но только не хотели принимать его от притязательных немецких проповедников, дабы вместе с тем не подчиниться и немецкому политическому господству.

В таком состоянии, в состоянии колебания, находилось христианство у южных и западных славян до половины IX века. Главной причиной нетвердого положения христианства у славян до этого времени, кроме случайных исторических обстоятельств было то, что славяне не имели ещё своей письменности, не имели священного Писания и богослужение христианского на родном языке. В половине IX века христианство с богослужением на понятном для славян языке утвердилось глубже почти во всех славянских племенах, и вместе с тем явилась у славян своя письменность, и пошло успешно их умственное и общественное развитие.

Главными просветителями славян в религиозном и умственном отношении явились в это время знаменитые солунские братья св.

равноапостольный Мефодий и Константин (в схимничестве Кирилл).

II. Св. Кирилл и Мефодий и их проповедническая длительность у южных и западных славян.

Св. Мефодий и Константин были родом из Солуня, македонского города, населенного преимущественно славянами; отец их Лев, правитель Солунской области, был по мнению некоторых ученых, славянин по происхождению своему, а по мнению других грек. Отличаясь богатыми дарованиями и любовью к наукам, Мефодий и Константина получили лучшее по своему времени образование. Мефодий, закончив образование в отечественном городе, поступил в военную службу, и скоро сделан был правителем славянской струмской области. Константин, не довольствуясь теми средствами к образованию, какие представляла Солун, был весьма рад тому, что его взял на воспитание в Константинополь знатный родственник великий логофет Феоктист, один из опекунов несовершеннолетнего греческого императора Михаила III-го. Здесь он изучил высшие науки под руководством лучших наставников того времени – Льва, главного наставника высшей константинопольской школы, основанной правителем империи Вардою, и Фотия, бывшего впоследствии знаменитейшим из константинопольских патриархов. Особенное влечение имел Константин к высшим богословским наукам; его любимым чтением, после книг св. Писания, были творение [Григория Богослова](#). Его покровитель Феоктист готовил ему блестящее придворное поприще и богатую женитьбу. Но Константин уклонился от брака и светской жизни, принял монашество и решил посвятить свою жизнь науке и служению Богу. Его сделали наставником и библиотекарем софийской библиотеки. Здесь он своею ученостью приобрел большую известность. Его прозвали философом, и правительство византийское стало поручать ему самые замечательные ученые и религиозные предприятия. Он прославился спорами с приверженцами еще оставшегося в Константинополе иконоборства. В 851 году, по приглашению митиленского эмира, он был послан греческим императором ко двору эмира, для рассуждений о вере с арабскими учеными, и здесь своею твердою защитой христианства так раздражил магометанских ученых, что они хотели даже умертвить его.

Между тем к этому времени и старший брат Мефодий оставил мирскую жизнь, принял монашество на горе Олимпе и скоро приобрел известность своими аскетическими подвигами. Его хотели избрать митрополитом одной из почетнейших кафедр, но он уклонился от этой

чести, и его едва убедили принять игуменство в монастыре св. Полихрония. Приготовив себя наукою и подвижничествою к трудам миссионерским, св. братья выступили на свой апостольский подвиг.

В 858 году было прислано в Константинополь посольство от южных пределов нынешней России, где на обширном пространстве, между Черным, Азовским и Каспийским морями, под управлением сильного тюркского племени хазар, жили различные, и между прочим славянские племена. Хазарский каган (хан) просил Византийского императора, чтобы ему прислали ученого мужа, который бы мог научить хазар и истинной вере. По предложению императора, к хазарам отправился философ Константин с братом своим Мефодием. Здесь они нашли довольно христиан греков и славян. На северных берегах Черного моря уже издавна были посеяны семена христианства – еще с того времени, как древняя Таврида была ссыльною колонию для римской империи, куда между прочим ссылали исповедников христианства, и где впоследствии образовались даже христианские епископства. Св. Константин нашел здесь между прочим какой-то перевод Евангелия, писанный *росскими* буквами.¹ Для обращения в христианство господствующего племени хазар, нужно было показать им превосходство христианства пред учением магометанским и евреев, также домогавшихся обратить хазар к своей вере. Св. Константин, обличив магометанских и иудейских проповедников, склонил к крещению многих хазар. Успеху проповеди его способствовало между прочим чудесное открытие им у берега Черного моря мощей св. [Климента римского](#), который еще в конце 1-го или в начале 2-го века во время императора Траяна был сослан сюда за исповедание христианской веры и здесь был утоплен в море дикими язычниками. Св. Константин, видя в обретенных им мощах знамение благословения Божия на его благовестнические труды, в последствии носил их с собою в своих дальнейших миссионерских путешествиях. Христианство у хазар после св. Константина держалось недолго; в 10 веке оно опять было вытеснено магометанством; тем не менее проповеди св. Константина и Мефодия конечно не осталась бесследною для славян, живших в южной России².

По возвращении от хазар, св. Константин и Мефодий стали распространять веру между своими единоплеменниками – славянами македонскими. Слыша проповеди. Евангелия от своих соотечественников па родном языке, славяне охотно принимали христианство; св. Кирилл в округе одного города Брегалницы (недалеко от Солуня) крестил 4.500 славян.

Чтобы прочнее утвердить истины христианства между славянскими племенами, св. Константин предпринял великое дело дать славянам, доселе не имевшим своей азбуки и письменности, национальную письменность. Он составил славянскую азбуку по образцу греческой, прибавив к 24 буквам сей последней 14 новых знаков, соответствующих особенным звукам славянской речи (например для славянских звуков *ж, ч, ш, щ, ы* нет соответствующих знаков ни в греческой, ни в латинской, ни в другой какой европейской азбуке), и стал переводить священные книги на славянский язык. Первые слова, написанные св. Константином, по преданию были: *искони бе Слово, и Слово бе у Бога, и Бог бе Слово-Евангелие Иоанна 1-й стих*³.

К этому же времени стало утверждаться христианство в Болгарии. При самом дворе болгарского князя Бориса было много людей расположенных к христианству. Распространению христианства здесь много способствовали – проповедь пленного греческого монаха Куфары, и родная сестра царя Бориса, долгое время жившая в Константинополе заложницею и там сделавшаяся ревностной христианкой. Но князь Борис долгое время не хотел принимать христианства, может быть опасаясь еще довольно сильной языческой партии. Наконец различные политические неудачи, страшный голод и мор поколебали убеждение Бориса, и он по совету сестры призвал к себе проповедника св. Мефодия. Мефодий окончательно склонил Бориса к христианству. Борис принял крещение и христианское имя Михаила (по имени восприемника своего греческого императора Михаила III); вместе с Борисом крестились многие из болгарских вельмож и народа. В Болгарию прислан был из Константинополя епископ Иосиф со многими священниками, – и патриарх Константинопольский Фотий принял болгарскую церковь под особенное свое попечение, и руководил Бориса своими советами в самом управлении народом.

В 862 году князья верхне-моравский Ростислав его племянник нижне-моравский Святополк и паннонский Коцел (Котел) прислали в Константинополь просить себе наставников в вере. Славяне моравские и паннонские были расположены к христианству, но не хотели принимать его от корыстолюбивых и притязательных немецких проповедников – с богослужением на непонятном языке. Поэтому они просили прислать им проповедников от греческой церкви, знающих славянский язык. Император Михаил и патриарх Фотий послали в Моравию Кирилла и Мефодия. Четыре года с половиной трудились здесь св. братья, переходя из одной области в другую с проповедью Слова Божия. Успеху их проповеди

в особенности способствовало то, что у них в это время уже готовы были в славянском переводе необходимые для богослужения свящ. книги. Св. братья всюду вводили богослужение на славянском языке. И славяне моравские и паннонские с радостью принимали христианство, слыша величие Божие, возвещаемые на родном языке.

Но успехи проповеди Кирилла и Мефодия и распространение славянского богослужения возбудили зависть и ненависть соседнего немецкого духовенства. Епископы зальцбургский и пассауский, имевшие притязание считать Моравию и Паннонию относящимися к их епархиальным округам, сделали на Кирилла и Мефодия донос в Рим в том, что они отторгают принадлежащие западной церкви славянской области от власти папской, и распространяют богослужение на новом – не священном языке. Вследствие этого Кирилл и Мефодий должны были отправиться в Рим для объяснения. В Италии они должны были выдержать жестокий спор с латинским духовенством о правоте своего дела. Приверженцы латинства говорили, что Слово Божие может быть возвещаемо только на тех трех языках, на которых Пилат сделал надписание на кресте Христовом – т.е. на еврейском, греческом и латинском. Св. братья, опровергая странное мнение этих *триязычников*, говорили, что как Господь всем людям дает дары Свои – свет солнечный, благорастворение воздуха и дожди плодоносные, так все народы должны славить Господа на своих наречиях; они доказывали свою мысль свидетельствами из священного Писания ветхого и нового завета, и издавна существующими в восточной церкви примерами, к которым все народы, обращающиеся в христианство имеют Слово Божие и богослужение на своих природных языках. Папа Адриан II, по издавна уже принятому папами правилу ласкать всех замечательных миссионеров, дабы привлекать под свое влияние обращаемые ими в христианство народы, принял в Риме св. братьев с большими почестями, – одобрил сделанный ими перевод священных книг, и осудил противников, препятствовавших их святому делу. Св. Константин заболел в Риме, принял схиму с именем Кирилла, и скончался на 42 году жизни 14 Февраля 869 г., завещав своему брату начатое ими вместе служение спасению ближних. А св. Мефодий, похоронивши своего брата при церкви св. Климента, которого мощи они вместе принесли в Рим, и получивши от папы сан епископа обращенной им в христианство страны⁴, отправился назад к славянам продолжать свое апостольское служение.

Между тем в Моравии, интригами немцев во время путешествия Мефодия, Произведены были сильные политические волнения. Князь

Ростислав, главный покровитель славянских проповедников был низвергнут с престола, заточен в тюрьму, и потом умерщвлен. Святополк, ставший в зависимость от немецкого императора Людовика, вместе с тем стал поддаваться и влиянию немецкого духовенства. Вследствие этого св. Мефодий, по возвращении из Рима, не мог найти себе места в Моравии. Он нашел на некоторое время приют себе у паннонского князя Коцела, который принял его с радостью и уважением. Но когда и Паннония должна была подчиниться власти Святополка и немцев, немецким епископам удалось наконец (872 г.) отправить Мефодия в заточение, и продержать его там два года с половиной. Одна-кож, когда папа Иоанн узнал об этом своеволии немецких епископов, он нашел свои побуждения заступиться за св. Мефодия, и стал грозить немецким епископам запрещением совершать богослужение – до тех пор, пока они не освободят Мефодия; он также написал в защиту Мефодия письма к самому императору Людовику и князю Святополку. В 874 г. св. Мефодий был освобожден из заточения, и объявлен моравским архиепископом, – чем уже преграждаем был немецким епископам всякий повод простираť свои притязание на Моравию. С этого времени деятельность св. Мефодия получила еще больший успех. Он ревностно заботился о приготовлении учеников, которые бы могли продолжать его дело после него, и всюду поставлял священников из природных славян, им самим образованных. К концу его жизни Моравия уже имела до 200 своих священников.

Счастливые успехи славянской проповеди св. Мефодия в Моравии и Паннонии имели влияние и на соседние славянские страны. *Богемский* князь Боривой, отдавший за Святополка свою сестру в замужество, и вступивший с ним и в политический союз, призвал к себе св. Мефодия и крестился со своею женою Людмилою в 874 году. Вслед за князем крестилась значительная часть народа. Боривой и св. Людмила ознаменовали свое усердие к вере построением нескольких храмов, ревностными заботами о распространении христианства в народе, и окончили свою жизнь в монастырских подвигах.

Языческий князь, владевший на *Висле*, ругался над христианством и теснил христиан. Св. Мефодий послал сказать ему, что хорошо бы ему было креститься по доброй воле на своей земле, чтобы попавшись в плен не быть принужденным креститься по неволе на чужой. Предсказание св. Мефодия исполнилось. Князь, образумленный тяжким пленом, призвал к себе учеников св. Мефодия, и они насадили в *Польше* православную веру с славянским богослужением. В последствии родственные и политические союзы польских князей с богемскими еще более содействовали

распространению православие в Польши до тех пор, пока оно там не было подавлено латинством.

В *Далмации* св. Мефодий утвердил православие и славянское богослужение по уставу восточной церкви во время своих путешествий в Рим.

У *сербов и хорватов* также более утвердилось в это время православие и славянское богослужение. Стесняемые властью франкских государей, сербы и хорваты обратились к защите греческого императора Василия Македонянина. Василий Македонянин (славянин по происхождению) принял, их под свое покровительство; и вследствие этого те сербы и хорваты, которые оставались еще не окрещенными, приняли св. крещение, и все вместе – славянское богослужение в переводе Кирилла и Мефодия.

Таким образом почти у всех славян южных и западных одновременно во второй половине IX века утвердилась православная вера и славянское богослужение, – и св. Кирилл и Мефодий поистине явились апостолами и просветителями славянского племени.

Под конец жизни, св. Мефодию опять пришлось терпеть неприятности от немцев. Завидуя необыкновенным успехам проповеди Мефодия, немецкие епископы в 879 году сделали на него новый донос папе Иоанну VIII. К прежнему обвинению, что Мефодий распространяет славянское богослужение, присоединено новое, что он не исповедует исхождение Св. Духа от Сына, согласно с римскою церковью. Папа сам не был убежден в истинности этого догмата, и готов был отказаться от него (в письме к Фотию патриарху константинопольскому). Но опасаясь за свою власть над славянскими племенами, он наложил было запрещение на славянскую службу, и вновь потребовал в Рим на суд св. Мефодия. Св. Мефодий торжественно оправдал свое дело пред римским собором (880 г.), и папа еще раз подтвердил все предоставленный ему права и разрешил читать св. Писание и совершать богослужение на славянском языке.

Тогда изобретательные враги св. Мефодия придумали новую интригу; пущена была молва, что в Константинополе император и патриарх негодуют на Мефодия за его сношение с Римом. Мефодий, хотя и уверенный в расположении византийского правительства, должен был одна кож, для рассеяния неблагоприятных толков, путешествовать в Константинополь. Император и патриарх приняли с величайшим уважением как самого св. Мефодия, так и принесенный им славянский перевод св. книг.

Когда наконец ни в Риме, ни в Константинополе интриги врагов

Мефодия не достигли своей цели, они сумели выставить ему соперника в самой Моравии. Под конец жизни Мефодия, папа, по ходатайству Святополка, действовавшего под влиянием немцев, дал ему в помощники по управлению моравскою церковью шваба Вихинга, епископа нитравского. Этот Вихинг с своею партию стал все более и более входить в расположение к князю Святополку и восстанавливать его против Мефодия и его учеников. В тяжелой борьбе с такими интригами св. Мефодий и кончил свою жизнь 6 апреля 885 года в Велеграде, – передав свою власть над моравскою церковью ученику своему Горазду, родом моравцу.

NB. Св. Кирилл и Мефодий, во время своей миссионерской деятельности, обращались к Риму и давали папам отчет о своей деятельности. Не следует ли из этого, что они были приверженцами папизма и латинства – римско-католиками? Западная церковь действительно считает их в числе своих святых. Западные ученые стараются доказать, что миссионерская деятельность св. Кирилла и Мефодия принадлежит Риму, а не восточной церкви. В новейшее время на западе иезуитами во имя св. Кирилла и Мефодия составляются общества и издаются книги в духе латинской пропаганды. Нельзя не заметить, что все это делается нарочно, с целью – обаянием имен, свято чтимых южными и западными славянами, лучше расположить их к латинству, уверив их, что та вера, которую первоначально насадили у славян св. Кирилл и Мефодий, была латинская, и сами они были латиняне. Но это есть явная и злонамеренная ложь. Св. братья были воспитаны в духе восточной церкви, и вышли на свое миссионерское дело от восточной церкви, по благословению константинопольского патриарха Фотия, которого паписты не без основания считают первым врагом своих притязаний, и у которого св. Константин Философ был ближайшим учеником. И когда св. Константин и Мефодий проповедовали в странах, прилежащих к округу константинопольского патриарха, – у хазар, в Македонии и Болгарии; – они обращались с отчетом о своей деятельности к константинопольскому патриарху. Но когда они перешли проповедывать в западные славянские страны, прилежащие к округу западного патриарха – римского папы, они естественно и по древним церковным правилам должны были сноситься с папою, и константинопольская церковь, не смотря на всю клевету, распускаемую немцами, за это не имела на них никаких притязаний, и относилась сочувственно к их подвигу, считая его своим родным, общим для всей православной церкви дорогим делом, хотя и в другом патриаршем округе. Св. Кирилл и Мефодий обращались к папе не как к *главе* отдельной от востока *римско-католической церкви*, а как к *патриарху*

западного церковного *округа, входящего в состав единой* вселенской православной *церкви,*– находящемуся в общении со всеми другими восточными патриархами. Ибо тогда папы не считались еще *главами* римско-католической церкви, а только начинали стремиться к тому; все же христиан – считали их только старейшими епископами западной поместной православной церкви. Западная церковь считалась тогда еще православною церковью и на всем востоке, потому что не православные нововведение в церковном учении и устройстве в ней только что возникали и еще не выдавались резко. Разделение между востоком и западом тогда только начиналось в спорах между константинопольскими патриархами и папами; эти споры еще могли казаться только личными, а не обще-церковными спорами, и из-за них никакой православный христианин до соборного суда не имел права прерывать общение с римскою церковью. В проповедание же своем Кирилл и Мефодий следовали не папистическим, не римско-католическим, а чисто-православным началам. Об исхождении Св. Духа они учили согласно с восточною церковью, а не с западным нововведением; за это жаловались на св. Мефодия в Рим папе Иоанну VIII немецкие епископы; за это после смерти Мефодия, как увидим, они восстали против его учеников. Св. Кирилл в оставленном им *исповедании веры* оставил ясное свидетельство того, что в догмате об исхождении Св. Духа он следовал учению восточной церкви; в жизнеописании св. Мефодия также говорится, что он должен был во время своей проповеди бороться с ересью Иопаторскою (сыноотчеством,-так называлось здесь западное учение об исхождении Св. Духа от Отца и Сына, потому что в нем сливаются личные свойства Отца и Сына). Обряды церковные св. Кирилл и Мефодий везде вводили восточные, а не западные; память об этом и следы этого, как увидим, долго сохранялись у всех славян, обращенных в христианство св. братьями, не смотря на все усилие латинства искоренить эти обряды. Богослужение у славян св. Кирилл и Мефодий везде вводили на народном славянском языке; это также прямо противоречило началу латинства, уже и тогда начавшему развиваться в западной церкви (из-за чего и происходили у св. братьев постоянные споры с западным духовенством), и еще более в последствии развившемуся и утвержденному самими папами. Наконец в том *особенном миссионерском свойстве,* существенно характеризующем деятельность первых славянских проповедников, что они везде для народов, обращенных ими в христианство, старались воспитывать пастырей и учителей – священников и епископов *из среды их же самих,* а не призывать готовых греческих или латинских, – что они во всякой

народности, вновь присоединяющейся к христианству, старались образовать новую живую силу для развитие общехристианского содержания, а не новую только форму для принятие готового уже византийского или римского просвещения, – в этом также заключается существенное *противоречие* началам католицизма; ибо католическое духовенство и католические миссионеры в подобных случаях стараются действовать всегда наоборот вместе с распространением христианства налагая на одну народность нравственное господство другой народности (собственно римской, но иногда и немецкой – по отношению к славянским племенам). Таким образом имена св. Кирилла и Мефодия по справедливости должны служить для всех славян знаменем не сочувствия к католицизму, а предостережения и борьбы против католицизма. Паписты и сами это сознавали, и прежде всячески старались истребить у всех славян следы проповеди св. Кирилла и Мефодия и самую память о ней. Впоследствии уже, когда они заметили, что эти имена слишком дороги и *незабвенны* для славян, что на них так-сказать держится будущая судьба славянского мира, они всячески стали стараться *присвоить* себе эти святые имена, дабы чрез них удобнее привлечь к себе и всех славян.

III. Судьба христианства у западных славян после св. Мефодия. Насильственное распространение латинства у славян прибалтийских.

Во второй половине IX века миссионерскими трудами свв. Кирилла и Мефодия почти у всех южных и западных славян распространена была православная вера с славянским богослужением и обрядами восточной церкви.

Только одной отрасли западного славянства, по её отдаленности от других православных племен, совершенно не коснулась православная славянская проповедь и влияние восточной церкви – это славян прибалтийских. По берегам Балтийского моря в нынешней Пруссии все пространство между Вислою и Лабою (Эльбою) занимали славянские племена венды, лютичи, бодричи, поморяне, стодоряне и др. Это были в свое время едва ли не самые сильные, богатые и развитые из всех славянских племен. У них были богатые города (Юлин, Щетин, Колобрег, Гданск, Аркона, Радогощ и др.), великолепный во всем славянском языческом мире храм на острове Ране (Рюгене), обширная торговля. Но отдаленный от всех других племен славянских и раздробленные на множество мелких владений, нередко находящиеся в междоусобной вражде между собою эти племена ранее и более всех других славянских племен подверглись влиянию немцев. С IX века начинаются усиленные старание немцев подчинить прибалтийских славян своей власти, и утвердить между ними латинское христианство. Западные государи – Карл Великий, Людовик Благочестивый, Лотарь, Генрих I, Оттон I, Оттон III, Генрих III посылали к ним вместе с вооруженными войсками латинских миссионеров. К ним приходили проповедывать христианство монахи Корбейского монастыря (с Везера), и знаменитые миссионеры запада – св. Ансгарий со своими учениками и Адальберг пражский. Но все усилия обратить их в христианство оставались безуспешны. Ожесточенно отстаивая свою независимость от господства немцев, славяне вместе с тем не хотели принимать христианства от немецких проповедников, которые проповедовали им на чужом языке, и нередко возмущали их своим корыстолюбием и насилиями. Император Оттон I успел на некоторое время подчинить себе прибалтийских вендов и многих крестить. Чтобы прочнее утвердить над ними свое влияние, он основал в этих странах

несколько епископств – ольденбургское, гавельбергское, браниборское, межиборское, мышенское (по известному обычаю западной церкви учреждать епископии для таких стран, в которых даже и совсем нет христианства – *in partibus infidelium*, но которые на будущее время римская церковь рассчитывает подчинить своему влиянию). Одна как скоро вендам, под предводительством вождя своего Местивоя, удалось свергнуть господство немцев, они истребили в своей земле и все следы христианства. Внук Местивоя Готтшалк, воспитанный в Германии латинским духовенством, вновь старался распространить между своими подданными католическое христианство; но эта попытка стоила ему жизни, и за ним были истреблены вендами находящиеся в их стране латинские священники (1066 г.). В такой ожесточенной борьбе славянского язычества с немецким католицизмом прошло несколько столетий. Наконец прибалтийские славяне потеряли свою независимость. Восточная часть их – поморяне – были присоединены к Польше, в то время уже принявшей католицизм, при короле Болеславе III, и крещены бамберским епископом Оттоном. Остальные были покорены и насильственно обращены в христианство герцогами бранденбургскими и саксонскими (Альбрехтом Медведем, Генрихом Львом и др.). В 1168 году датским королем Вольдемаром покорен был остров Рюген, последнее убежище языческой вендской религии и свободы; знаменитый храм Святовита в г. Арконе был сожжен. В вековых кровопролитных войнах с немцами множество балтийских славян было истреблено. Опустошенные их страны заселены новыми немецкими поселенцами и получили немецкий характер. В последующие века, под влиянием господствующего племени немцев, здесь исчезли почти всякие следы славянской народности. В настоящее время эти древние славянские страны составляют – можно сказать – самое ядро немецкого (прусского) государства. Следы славянской народности сохраняются только в некоторых славянских наименованиях местностей, искаженных немецким произношением или переведенных на немецкий язык (Королевец – Königsberg, Кралев Градец – Königsgrätz, Щетин – Stettin, Гданск – Danzig, Колобег – Kolberg и др.), и в небольших сохранившихся остатках славянского населения в так-называемой Вендской Лузации, Померание и других прусских землях. Так губительно здесь было для славянской народности раннее влияние немецкого племени и римско-католической церкви. Замечательно впрочем, что насильственно распространенному католицизму в этих местах не удалось утвердиться прочно. В XVI веке в прибалтийских странах скорее всего принято было протестантство.

IV. Подавление православия латинством в других западно-славянских племенах, просвещенных св. Мефодием. – Очерк истории христианства в Чешской стране.

Во всех других западных славянских землях, принявших при св. Мефодии христианскую проповедь на славянском языке, православное вероисповедание постепенно было вытеснено римским, и славянское богослужение латинским. Главною причиною этому было то, что западные славяне были слишком разобщены с православным восточным миром, жили далеко от главных центров восточного славянства и восточного православия. Разделенные притом на несколько отдельных государств, из которых при взаимных междоусобиях ни одно не могло приобрести надолго твердости и силы, они должны были подчиняться политическому, а затем и религиозному влиянию соседних сильных католических государств. В особенности средневековая священная римская империя со времен Оттона I приобрела сильное влияние на западные славянские страны, и во всех землях, находящихся от неё в зависимости, старалась утверждать господство римской церкви. Распространенно латинства у западных славянских племен не мало также способствовало и то, что хотя все эти племена приняли первоначально христианство по исповеданию и обрядам восточной церкви с богослужением на родном языке, но по иерархическому управлению они с самого начала стали в зависимость от римской церкви. Римская церковь в то время (в IX веке) не была еще объявлена не православною, и не стесняла на первых порах восточного обряда и славянского богослужения у западных славян, поэтому они и не имели законного основания не подчиняться ей. Но вскоре римская церковь стала более и более заражаться не православными нововведениями и распространять их на все подчиненные её влиянию христианские страны. Славяне дольше всех других западно-европейских народов не подчинились не православным нововведениям и деспотическим притязаниям Рима, сохраняя приверженность к учению и обрядам, распространенным у них св. Мефодием, и богослужению на родном языке. Но поставленные в среде других народов, приверженных к католицизму, увлекаясь общим движением западно-европейской жизни, в средние века во всем управляемой папством, славяне не могли не поддаваться мало-по-малу

влиянию римской церкви. Сама римская церковь притом употребляла все возможные законные и незаконные, прямые и косвенные меры к тому, чтобы совратить славян из православия в латинство. Где было возможно, там римская церковь прямо и насильственно запрещала славянское богослужение и искореняла православные обряды, не смотря, на ропот народный. Там же, где этого нельзя было сделать, папская политика действовала осторожно и постепенно, славянам на первых порах дозволялось сохранять свое славянское богослужение и любимые православные обряды, но потом мало-по-малу славянские богослужебные книги переделывались по духу латинскому и совсем заменялись латинскими, восточные обряды уступали место западным, наряду с уважаемыми народом православными святыми, искусственным образом утверждалось почитание католических святых, прославившихся особенною приверженностью к римской церкви, истреблялись памятники православия в славянских странах, переделывалась история народа в смысле благоприятном для латинства. Такими мерами римская церковь успела постепенно, в продолжение многих столетий, некоторых западных славян сделать ревностными своими сынами, других – по крайней мере по внешности – насильно привлечь к себе, у иных утвердить унию, т. е. обязательство признавать верховную власть папы с правом сохранять до времени богослужение на народном языке и православные восточные обряды. Замечательно то, что во всех западно-славянских странах распространение католицизма имело подавляющее влияние на самостоятельное развитие самой народности славянской. Где более утверждался католицизм, там более изменялись свойства народного характера, народного быта, самого языка славянского – влиянием чуждых стихий романо-германского мира.

Скорее всего православная вера стала уступать влиянию латинства в тех славянских странах, которые более других были удалены от греко-восточной церкви, и более находились в сношениях с немецкими, государствами – в Богемии и Польше.

В Богемии православная вера со славянским богослужением, принятая при князе Боривое из Моравии, твердо держалась, пока Богемия находилась в союзе с центром западно-славянского православия – княжеством моравским, откуда она получала себе и первых священников из учеников св. Мефодия (известен между ними Павел Кайх, духовник св. Людмилы жены Боривоя). Но моравское княжество, сильное при Ростиславе и Святополке, к концу IX века стало падать, и Богемия стала больше склоняться к союзу с только что возникавшею тогда немецкою

империей. В 895 году старший сын Боривоя Спитигнев на резенском (регенском – регенсбургском) сейме заключил союз с немецким императором Арнульфом, следствием которого было то, что Богемия в церковном отношении подчинилась власти немецкого регенсбургского епископа; вместе со священниками из славян в ней стали появляться священники из немцев, и наряду с славянским богослужением утвердилось латинское. Православие не могло укорениться прочно в Богемии между прочим и потому, что здесь оставалась еще довольно сильная языческая партия, по временам вступавшая в борьбу с христианством, и в самом княжеском роде начались междоусобия, дававшие повод немцам мешаться в дела чешской страны. После недолговременного управления сыновей Боривоя Спитигнева и Вратислава, стала управлять Богемией жена последнего – Дрогомира, дочь одного из прибалтийских языческих славянских князей – женщина гордая и властолюбивая, покровительница языческой партии. По её наветам в 921 году умерщвлена была св. Людмила, бывшая главною покровительницею православия в чешской стране. Через несколько лет открылось новое междоусобие между сыновьями Дрогомиры. Старший сын её благочестивый князь Вячеслав, воспитанник св. Людмилы, пал от руки своего брата Болеслава в 935 году (св. Вячеслав и Людмила признаются святыми в восточной и в западной церкви; св. Вячеслав считается главным патроном чешской страны). Следующие за тем князья Болеслав 1-й (989-967 г.) и Болеслав 2-й (967-999 г.) старались возвысить свое княжество, и дать ему политическую самостоятельность. Но постоянные связи с немцами (при Оттонах 1-м, 2-м и 3-м) более и более давали в Чехии место политическому немецкому и церковному латинскому влиянию. Болеслав 2-й в 973 году послал в Рим сестру свою Младу ходатайствовать перед папою об открытии в Праге самостоятельного чешского епископства. Папа дал согласие на это, но с тем, чтобы богослужение в Чехии было совершаемо по латинскому обряду, и чтобы епископ пражский подчинен был зависимости от майнцского архиепископа (папского примаса в германских странах): Вместе с тем папа дал благословение сестре Болеслава, основать в Праге женский монастырь по уставу св. Бенедикта.

Первым епископом пражским был Дитмар, родом немец, впрочем хорошо знавший славянский язык (управлял с 973 до 982 г.); второй после него-Адальберт или Войтех. Этот, хотя был природный славянин, сын знатного чешского воеводы Славника, но воспитанный в Магдебурге (Девине) латинским духовенством, явился самым злым гонителем

православных обрядов и славянского богослужение не только в Богемии, но и в соседственных с нею славянских странах. Правда, Войтех выказывал ревность к христианству искоренением остатков язычества в Богемии и Польше, и попытками к распространению христианства у славян прибалтийских. Но вместе с язычеством он старался искоренять следы православие, и своими насилиями внушал невыгодное понятие о христианстве самим язычникам. Несколько православных чешских священников при нем ходили в Рим просить папу о сохранении народного славянского богослужение; но папа Григорий V не согласился уважить их просьбу. Наконец насилие Войтеха вызвали негодование в самом народе. Ненавидимый чехами, он несколько раз должен был оставлять свой епископский престол, и тогда отправлялся в соседственные страны-в Моравию, Венгрию и Польшу распространять латинство. Наконец деятельность его закончилась тем, что раздраженные им прибалтийские славяне убили его. Тело его в последствии было перенесено в Чехию; римская церковь объявила Войтеха святым, и старалась поставить имя его на ряду с именем самого св. Мефодия в уважение народном.

Со времен Войтеха-с конца 10-го века латинское богослужение в Чехии официально стало брать перевес над славянским. Впрочем в народе и в продолжение одиннадцатого столетия приверженность к славянскому богослужению держалась крепко, и по временам сказывалась очень выразительно. В начале 11-го столетие замечательным поборником православия явился в Чехии св. Прокопий, сын благородных родителей славянского рода из богемского местечка Хотунь. Обученный сначала в доме родителей православному учению по письменам св. Кирилла, он довершил образование в моравском Велеграде, где в то время еще процветало православно-славянское просвещение. По возвращении на родину, он сделался образцовым приходским священником, и потом, по примеру восточных пустынников, выкопал себе пещеру в дремучем лесу для высших аскетических подвигов. Князь чешский Ольдрих (Ульрих), случайно открывший уединение св. Прокопия во время охоты, и проникнутый благоговением к его высокой жизни, помог ему основать православно-славянскую обитель на реке Сазаве. Таким образом получил свое начало знаменитый в истории чешской Еммаусский монастырь, бывший главною опорой православия и славянского богослужения в Чехии в 11-м веке. Настоятелями в этом монастыре были замечательные поборники православия – сам св. Прокопий до своей смерти (умер в 1053 году), после него ученик его Вит, потом уже в конце 11-го столетие замечательный иконописец Божетех. Латинское духовенство смотрело с

глубокою ненавистью на Еммаусский монастырь; латинские аббаты старались представлять его в глазах чешского правительства гнездом всяких ересей, и пользуясь легковерием некоторых князей, они успевали несколько раз разгонять православно-славянских монахов из Еммаусского монастыря, истреблять в нем следы славянского богослужения, сжигать православно-славянские книги. Но потом опять в этом монастыре было восстановлено православно-славянское богослужение с дозволения князей, вероятно по желанию народа. По преданиям чешским сам св. Прокопий являлся в сонном видении латинским аббатам и с угрозами вынуждал их оставлять его обитель её законным обитателям православно-славянским инокам. Таким образом до конца 11-го века Еммаусский монастырь оставался твердою опорою православия в Чехии. В последующие века в нем утвердилось латинское богослужение и латинский устав, но и доселе, в отличие от латинства, сохранился от этого монастыря замечательный памятник православно-славянской письменности – это так-называемое Сазаво-Еммаусское или Реймское славянское Евангелие, открытое и изданное в недавнее время⁵

В правительстве чешском в продолжение 11-го века заметно было колебание между православием и латинством. Находясь под влиянием латинской иерархии, и увлекаясь общими интересами западно-европейской политики, князья чешские склонялись к латинству, – но с другой стороны чувство народной самостоятельности, память о древних преданиях народа чешского, в иных случаях вероятно и прямые выражения сочувствия народных – побуждали некоторых князей покровительствовать остаткам древней православной веры. Это сказывалось в отношениях чешских князей к Еммаусскому монастырю. Так князья Ольдрих и Брячислав I покровительствовали православно-славянскому богослужению в Еммаусском монастыре. Следующий затем князь Спитигнев II приказал выгнать из Еммаусского монастыря учеников св. Прокопия, и ввести в нем латинскую службу. Преемник его Вратислав II не только приказал восстановить славянское богослужение в Еммаусском монастыре, но и просил у папы Григория VII позволение восстановить его во всех чешских церквах. Конечно, в этой просьбе сказывалась не личная только воля князя, а и желание самого чешского народа. Но гордый и непреклонный Григорий VII дал чешскому князю выразительный и характеристичный в духе латинства ответ: «Мы никак не можем согласиться на вашу просьбу (о совершении богослужения на народном языке). Мы убеждены, что не напрасно угодно было Богу, чтобы некоторые места Священного Писания были сокрыты, чтобы оно не всем было ясно и понятно, дабы чрез то не

пришло в пренебрежение, и худо понятое не ввело в заблуждение. Не извинительно, что у вас некоторые духовные лица беспрекословно исполняли требование народа, и допускали беспорядки (т.е. совершали для народа богослужение на славянском языке). Первоначальная церковь (богемская или вообще древняя вселенская церковь, позволявшая каждому народу совершать богослужение на своем родном языке) много потворствовала этому; но в последствии, когда христианство окрепло, это исправлено по строгому исследованию. Потому, не смотря на ваше требование неблагоприятное, повелеваем власти блаженного Петра и в славу Божию – противостать суетной дерзости всеми силами».

Насколько в то время Чехия была неприязненно настроена против папства, видно из того, что когда у Григория VII началась ожесточенная борьба с германским императором Генрихом IV, и большая часть немецких князей стала на стороне папы, князь чешский Вратислав напротив явился в этой борьбе деятельнейшим помощником Генриху. Но это был уже едва ли не последний из древних князей чешских, желавший спасти религиозную самостоятельность своего народа от притязаний папства. Преемник Вратислава Брячислав II показал себя самым ревностным приверженцем папства. При нем опять были разогнаны православно-славянские иноки из Еммаусского монастыря. В 1096 году вновь подтверждено папское запрещение совершать богослужения в Чехии на славянском языке. В Чехии один за другим стали появляться папские легаты. Правительство чешское стало более и более втягиваться в западно-европейскую политику, которая с этого времени стала особенно подчиняться влиянию пап. Чехия стала принимать участие в крестовых походах, возбуждаемых и управляемых папами, – между прочим против единоплеменников и соседей чешского народа прибалтийских славян, не хотевших принимать латинства, – также против немецких государей, споривших с папами и т. д.

Таким образом в чешских церквях с 12-го века смолкли звуки славянских молитв и песнопений, – и на место древних православных обрядов, утвержденных св. Мефодием, в Чехии стали распространяться те нововведения, которыми западная церковь преимущественно со времен Григория VII-го стала более и более отделяться от восточной. Народ чешский не мог представить этим нововведением твердого сознательного противодействия, когда правительство и духовенство стояли на стороне папизма. Одна лишь приверженность к древним православным обрядам, хотя и безотчетная, долго хранилась в чешском народе в последующие века, и никакими мерами латинское духовенство не могло утвердить в нем искренней преданности папизму. У чехов оставалась, хотя и неясная,

память о старой вере св. Мефодия, как о настоящей истинной и святой вере. Славянские песнопение и молитвы, вытесненные из храмов, хранились в памяти народной. Славянская песнь «Господи помилуй» была любимой народной песнью: чехи пели ее в торжественных случаях – отправляясь на войну, на общественных собраниях, во время общественных бедствий, и придавали ей особенную чудодейственную силу. Нововведение латинские принимались в Чехии туго, медленно, и нередко со значительным сопротивлением. Так обычай безбрачия духовенства был введен в Богемии уже более, чем чрез столетие после распространения его по всей западной церкви, и кардинал Петр, присланный от папы Целестина III-го для введения этого обычая в Чехию в 1197 году, едва не был побит камнями. Еще более не сочувствие в чешском народе возбудило другое нововведение, распространившееся в западной церкви с 13-го века – причащать мирян только Телом Христовым, не позволяя им вкушать от евхаристической чаши. Это нововведение встретило себе противодействие в Чехии более, чем во всех других западно-европейских странах, – и в некоторых местах у чехов причащение под обоими видами сохранилось, полагают, даже до времен Гуса. С другой стороны не сочувствие к католицизму в чешском народе, увлекаемом в него против убеждения и воли, выразительно сказывалось в том, что Чехия в 12-м, 13-м и последующих веках сделалась – можно сказать – главным притоном всяких оппозиционных папству сект. Катары, вальденсы, лолларды, адамиты и другие сектанты, преследуемые в других странах, находили себе в Чехии радушный приют, и имели тем больший успех в народе чешском особенно потому, что они проповедовали народу свое учение на народном языке, к чему чехи всегда были особенно расположены. Вследствие этого, а также вследствие того, что народ чешский выказывал нередко явное сопротивление приказаниям папским по поводу сборов церковных, и прогонял из своей страны епископов, отличавшихся особенно ревностью об интересах папства, по сознанию самих западных писателей, ни одна страна в Европе в средние века не подвергалась так часто запрещением и проклятиям папским, как Богемия.

Между тем чешское правительство все более и более онемечивалось и сближалось с папством. В конце 12-го столетия (1197 г.) вступила на чешский престол новая династия, родоначальник которой – Премысл Оттокар – был утвержден в королевском достоинстве папою Иннокентием III-м. При этой династии римская церковь еще более стала распространять свое влияние в Чехии, чем было доселе. Сын Оттокара I-го, Вячеслав с своею сестрою Агнесой сильно заботился о распространении в Чехии

католических монашеских и рыцарских орденов,-и так как монахи собственно чешского происхождения не внушали к себе доверия приверженному к папизму правительству, то их стали удалять из своей страны, а чешские монастыри старались населять немцами, которые должны были явиться проводниками немецкого влияния на народ. При следующем за тем государе Премысле Оттокаре II-м введено было в Богемию ненавистнейшее учреждение западной церкви, инквизиция. Наконец – когда в половине XIV века со времен Карла IV (1347 г.) чешские короли стали вместе с тем и германскими императорами, для чешской народности, по видимому достигшей высшей степени политической славы, настала серьезная опасность утратить свою нравственную самостоятельность, слиться с немецкою народностью. Правительство чешское всячески старалось сблизить эти две народности сколь возможно теснее; и так как немецкая народность была сильнее чешской, то это сближение должно было вести к ослаблению последней. Во второй половине XIV века высшие образованные классы Чехии стали более и более оставлять свой природный язык, народные права и обычаи, и старались во всем подражать немцам.

Но это усиленное влияние чуждой национальности естественно стало возбуждать реакцию в народе чешском. В произведениях чешской народной литературы, относящихся к этому времени (из них сохранилась до нашего времени так-называемая Далимилова Летопись и несколько произведений чешской народной поэзии) сказывалась сильнейшая ненависть к немцам и горячая ревность о сохранении народной самостоятельности. Та же неприязнь между немецкою и чешскою национальностью стала обнаруживаться в пражском университете, который и основан был Карлом IV с целью сближения германской и славянской национальности, и в этих видах разделен на четыре народные партии: баварскую, саксонскую, чешскую и польскую. Вместо ожидаемого сближения эти партии постоянно находились между собою в ожесточенной вражде. В религиозной сфере возбуждение народного духа обнаружилось прежде всего в стремлении к восстановлению народной проповеди и богослужения на славянском языке. Это стремление сказывалось с такою силою, что сам император Карл IV нашел нужным ходатайствовать у авиньонского папы Климента IV о дозволение восстановить славянское богослужение в Еммаусском монастырь, и стал поощрять в самой Праге народную чешскую проповедь. Чем более получало свободы выражение народного возбуждения, тем сильнее сказывалась в нем давно накопившаяся ненависть к папству. Папство в то

время само позорило себя пред всем христианским миром своими крайними злоупотреблениями и деспотическими притязаниями, безнравственностью, открыто господствовавшей при авиньонском дворе, наконец соблазнительным расколом, возникшим в римской церкви с 1378 года. Из всех стран западной Европы стали раздаваться сильнейшие обличения против папства. Но нигде эти обличения не высказывались с такою решительностью и не производили такого движения в народе, как именно в Чехии. Здесь прежде всего принимались с сочувствием всякие враждебные папству голоса, раздававшиеся из других стран. Так резкие, направленные против католической иерархии проповеди горячего немецкого проповедника Вальдгаузера, вызванного Карлом IV из Австрии в Прагу, между его единоплеменниками далеко не имели того влияния, какое имели между чехами (даже несмотря на то, что Вальдгаузер проповедовал на немецком языке). Так сочинение английского реформатора Вickleфа, в которых папа назывался антихристом и в существенных пунктах подвергалась критике целая система католического вероучения, проникшие в Чехию, возбудили здесь более движение, чем в самой Англии. В конце XIV и начале XV столетия, из среды самых чехов стали появляться сильные обличители папства и возбудили народо-религиозного духа. Первым из них был Ян Милич из Кромежира – пражский каноник, прежде канцлер королевского двора, восстановивший в Чехии проповедь на народном языке, и сразу давший ей направление враждебное папству; его за это вызвали в Авиньон на суд папский, где он и умер в 1374 году. За ним следовал Матвей из Янека – каноник и духовник архиепископской церкви, словесно к письменно развивавший мысль о восстановлении первобытной церкви, между прочим с причащением под обоими видами. Далее, в том же направлении стали учить магистры пражского университета Якубек из Стибра, Иероним пражский, и наконец самый влиятельный и любимый народный проповедник Ян Гус-ректор университета и духовник придворный, самая высокая, благородная, чистая, нравственная и разумная личность из всех западных реформаторов XV и XVI веков, возвышавших свой голос против папства. Наконец, после изменнической казни Гуса на костанцком соборе (16 июля 1415 года) давно созревавшее религиозное возбуждение народа чешского разрешилось известным так-называемым гусситским восстанием.

Чешское гусситское движение, обыкновенно поставляемое западными писателями на ряду со всеми реформаторскими движениями, возникавшими на западе Европы в XV и XVI веках, существенно отличается от них тем, что оно имело по преимуществу народный,

национально-славянский характер В других западно-европейских странах движение против папства начиналось отдельными личностями, и за тем уже постепенно распространялось в высших классах общества и в самих народных массах. В Чехии, наоборот, передовые вожди движения были не столько возбудителями, сколько выразителями издавна накопившейся в самом народе неприязни к папству, насильно наложившему свое господство на чешскую страну. Поэтому движение гусситское так быстро распространилось на весь народ чешский, сразу получило самый горячий и решительный характер, и не ограничиваясь собственно религиозною сферою, охватило собою все другие области национальной жизни. Поэтому же гусситское движение, как народное выражение собственно чешской жизни, и остановилось в пределах чешской национальности. Другие народы запада, также готовые к восстанию против папства на началах, провозглашенных Гусом, отнеслись к гусситскому движению со страхом и ненавистью, как к движению вышедшему из чуждой западу – не сочувственной среды. Первые либералы запада, собравшиеся на констанцский; собор с целью преобразовывать западную церковь, произнесли смертный приговор на славянского проповедника, осмелившегося возвысить свой голос против папства. И в последующие века имя Гуса повторялось с проклятием и страхом западными богословами, сочувствовавшими и не сочувствовавшими папству – не только католическими, но и протестантскими. Между тем для чехов имя Гуса сделалось символом религиозной и национальной самостоятельности. Его несправедливая казнь подала сигнал к всенародному восстанию, и восстание это с самого начала получило самый страстный, не религиозный только, но обще-национальный характер. Восставая против римской церкви, чехи в то же время восставали против подавлявшей их немецкой национальности. Стремясь к религиозной самостоятельности, чехи в то же время задавались мыслью – весь существенный быт перестроить на других началах, противоположных тем, которые они заимствовали от общественного устройства западно-европейских народов., Поэтому гусситское восстание было принято на западе Европы, как восстание против всего западно-европейского (романо-германского) мира. Государи и народы западной Европы – и сочувствовавшие и не сочувствовавшие папству – соединились в страхе и ненависти пред гусситским движением, и образовали против него общий крестовый поход, – и с той и с другой стороны борьба приняла самый страстный, ожесточенный, кровавый характер.

В религиозной собственно области чешское народное движение

выражало собою не только протест против папства, но и стремление возвратиться к древнему православию. Ни в одной из западных протестантских сект, стремление к восстановлению первобытной православной церкви не сказывалось с такою выразительностью и силою, как у чехов – в проповедях самого Гуса и в учение его последователей, чешских братьев. Восстановление первобытного чистого христианства представлялось чехам не в смысле какого-ни-будь отвлеченного идеала – подобно тому, как представлялось оно другим западным реформаторам XV и XVI века, но именно в смысле издавна родной чешскому народу старой веры св. Мефодия. Оторванные от православных преданий уже не-сколько веков, чехи не могли конечно восстановить себе этих преданий в полной ясности и точности. При всем том в стремлении к восстановлению духовного характера церкви, чуждых политических свойств папства, в стремлении к восстановлению богослужения на родном языке, в причащении под обоими видами, которое сделалось главным символом гусситского движения, в учении о таинствах, и в учение об исхождении св. Духа, проповедь Гусса его позднейших последователей – богемских и моравских братьев – сильно напоминала собою следы древних православных преданий, хранившихся в Еммаусском монастыре. Наконец у чехов во время гусситского движения сказалось явное сочувствие не восточной церкви греческой и русской, сохранившей в целостности и чистоте древние православные предания. Чешские реформаторы, восставая против злоупотреблений папства, не редко в обличение римской церкви указывали на учение и уставы греческой. Некоторые из них старались лично ознакомиться с состоянием восточной церкви. Героним Пражский, друг и товарищ Гуса, путешествовал в западную Россию, и, говорили даже, в Витебске и Пскове причащался св. Тайн в православной церкви. Потом чехи старались завязать связи с Галицкою и Литовскою Русью, посылали посольство и внутрь России. Наконец после базельского и флорентийского соборов, обманутые в своих последних надеждах на западную церковь, они прямо обратились к константинопольской церкви с предложением соединения. Посредником в этом деле был избран ими греческий священник Константин Ангелик, проживавший в Чехии, которого они два раза отправляли в Константинополь для переговоров о соединении (в 1450 и 1452 годах). Со стороны греческой церкви деятельное участие в этих сношениях принимали знаменитейшие тогда греческие богословы Геннадий Схолярый и Сильвестр Сиропул. Епископы греческие нашли исповедание веры, переданное от чехов, согласным с учением православия, и соборным посланием от константинопольской церкви (от 18 января 1452

года) с братскою готовностью предложили чехам вступить в общение с православною восточною церковью, обещая им оставить неприкосновенными непротивные православию местные обряды и обычаи.

Но несчастные для востока исторические обстоятельства помешали в то время чехам соединиться с восточною церковью. Константинополь 29 мая 1453 года был взят турками. Другие юго-восточные православные государства, единоплеменные чехам, болгарское и сербское – еще прежде подпали под власть турков. Северо-восточная московская Русь, только что освободившаяся от монголов, и после двухвекового рабства находившаяся на низкой степени умственного и общественного развития, не могла привлечь к себе гораздо более просвещенных и политически развитых чехов. Юго-западная Россия Галицкая и Литовская колебалась в своей политической и религиозной самостоятельности, мало-по-малу поддаваясь влиянию Польши и католицизма. На западе между тем разглашали, что восточные церкви греческая и русская сами склоняются к союзу с Римом. Таким образом Чехия не могла на востоке найти твердой опоры для себя в борьбе с западно-европейским католицизмом.

Оставшись одиночною в тяжелой борьбе, и не успевши выработать себе твердых нравственных основ для политической и религиозной самостоятельности, Чехия неминуемо должна была слабеть мало-по-малу. Государи немецкие после костанцского собора поднимали против восставших чехов несколько крестовых походов. Чехи под предводительством своих славных полководцев Яна Жижки, Прокопа Большого, Прокопа Малого и других, победоносно отразили эти нападения, и сами перенесли свое оружие в Германию, ожесточенно нападая на владение богатых немецких баронов, на немецкое духовенство, на католические храмы и монастыри. Но эти кровопролитные войны должны были значительно ослабить силы чехов. Еще более повредили им внутренние раздоры, начавшиеся со времени самого гусситского восстания. При затемненности православных преданий, при недостаточной определенности представлений о церкви и истинном христианстве, между чехами, когда они задумали восстановить самостоятельную национальную чешскую церковь, естественно должны были обнаружиться разномыслие. Одни из них – крайняя горячая партия таборитов, увлекшись идеальными, но мало осмысленными социалистическими представлениями о царстве Божием на земле, царстве безусловного равенства, братства и свободы во всех проявлениях религиозной и общественной жизни, и развивая свои идеи в применение к существующему порядку вещей, дошли до крайне фанатических

представлений о необходимости огнем и мечем истребить с земли все нечестивые порядки и всех нечестивцев, чтобы приготовить устроение царства Божия. Эта партия, со своими Фанатическими стремлениями, не могла долго держаться. Табориты имели силу и значение в Чехии только до тех пор, пока чехам нужно было вести ожесточенную борьбу со своими врагами. Но когда настало более спокойное время, крайние стремление таборитов стали возбуждать против себя опасение и преследование в среде самих чехов. Другая партия – более умеренные в своих стремлениях *Чашники утраквисты* или *Каликстины* (т.е. требовавшие для всех христиан причащения из *чаши* (caLix или под обоими видами sub utraque), не задаваясь широкими политическими мечтаниями, желали преимущественно религиозного преобразования, и свой протест против римской церкви ограничивали главным образом требованиями проповеди Слова Божия на народном языке, причащение под обоими видами, и более скромной нравственной жизни от духовенства. Эта партия между чехами была самая многочисленная и пользовалась большою силою, особенно, когда во главе её во второй половине XV века стоял ученый и влиятельный епископ Рокицана. Но так как и эта партия не имела твердых и ясно определенных стремлений, и в своих протестах против папства малопомалу становилась все умереннее и умереннее, то римской церкви не трудно было лживыми обещаниями и малыми уступками склонить эту партию к примирению. Склонность к союзу с Римом в этой партии стала обнаруживаться почти с самого начала её существования. Уже в 1436 году на базельском соборе представители утраквистов заявили свое согласие помириться и вновь соединиться с римскою церковью, если в Чехии будет дозволена свободная проповедь Слова Божия на народном языке, восстановится причащение под обоими видами, и отобранные будут светские владения от духовенства. Базельский собор принял эти условия; и в этом заключалась сущность так называемых *базельских компакттов*. Но сами действия базельского собора, клонившиеся к ослаблению неограниченной власти папской и строгого католицизма, признаны были на западе незаконными и отвергнуты папами. Папа Евгений IV, на собранном им флорентийском соборе, вновь отверг требование чехов и – его преемники Николай V, Каликст III, Пий II и другие продолжали громить чешскую страну отлучениями и проклятиями. Таким образом чешские утраквисты остались в неопределенном положении. Они не решались совершенно отделяться от католического запада, и считали свою церковь законною католическою церковью, имеющею только свои местные национальные права и обычаи. Но папство не хотело признавать их истинными

католиками, ни их иерархий – законную иерархию. Папы чрез своих легатов, посылаемых в Чехию (Филиберта Констанцкого, кардиналов Карваяля, Канистрана, Энея Сильвия) и через светских государей твердо настаивали на том, чтобы чехи утраквисты вполне и безусловно подчинились авторитету римской церкви – до тех пор, пока в XVI веке одна часть их не покорилась требованием папским, а другая не решилась совсем отделиться от католицизма. Кроме таборитов и утраквистов, между чехами около половины XV столетия образовалась еще третья партия так называемых богемских и моравских *братьев*. Основание учению этой секты положено было в сочинениях замечательного чешского писателя Петра Хелчицкого (современника гусситскому восстанию), а практическое устройство около половины XV века дал ей родственник Рокицаны, отделившийся от утраквистов брат Григорий. Общество братьев разделяло с таборитами идею о восстановлении царства Божия на земле, и желало полного преобразования церкви и общества на началах чистого апостольского христианства, но оно с негодованием восставало против насилия и фанатизма, провозглашаемого таборитами. В противоположность таборитскому фанатизму, оно отрицало и проклидало всякое насилие и принуждение как в делах веры, так и в делах гражданских (отвергало поэтому присягу, войну, рабство, различие гражданских состояний), и поставляло своим идеалом мирное распространение чистой евангельской истины на земле путем проповеди и высокими примерами нравственной жизни. Эта партия вначале была не так сильна, как другая; но потом она распространилась, и внутренне укреплялась более и более. В ней долее всех других чешских партий сохранялись лучшие предания гусситства и поддерживалась самостоятельность чешских национальных и религиозных стремлений. Она имела свою организованную иерархию (заимствованную, полагают от давно существовавшей в Чехии секты вальденсов) и образцовое внутреннее устройство по идеалу христианской церкви первых веков, насколько этот идеал был понят чехами того времени. Члены *общества братьев* отличались строгою нравственностью и крепкою взаимною связью, скромностью и трудолюбием, делами человеколюбие и ревностью к распространению христианства. У них по преимуществу поддерживалась чистота древнего чешского народного языка и быта; между ними образовывались лучшие чешские ученые и писатели (Сениор Лука, Блогослав, Страпский, Амос Коменский и др.) Это же общество более всех чешских партий поддерживало сочувствие к древним православным преданием и к восточным церквам. В учении о церкви, о

таинствах, об иерархии, чешские братья более всех западных обществ, образовавшихся в XV и XVI веках, близки были к учению восточной церкви. В учений об исхождении Св. Духа чешское «общество братьев», одно из всех западных обществ, держалось такого воззрения, что Дух Святый по существу Своему *имеет начало бытия от Отца, сообщаясь тварям чрез Сына*. К церквам восточным, при всем наружном их упадке, чешские братья продолжали питать сочувствие. Уже в 1491 году они посылали избранных мужей из своего братства в Грецию, Палестину, Болгарию и Россию для ближайшего ознакомления с состоянием православных церквей. Но и в 1491 году восточные церкви, по своему внешнему состоянию, находились не в лучшем положении, как в 1451 году. Чешское посольство на восток и теперь не принесло определенных результатов. При всем том одна кож, и общество моравских братьев, оставаясь на западе одиночною сектою, отделенной и от римской и от восточной церкви, и не имея ясно определенного и утвержденного авторитетом вселенской веры догматического учения, стало мало-по-малу подвергаться чуждым влияниям, и распадаться па различные отрасли. Кроме этих партий, образовавшихся в самой Чехии в XV веке, во время борьбы с папством, в ней выступили наружу издавна зашедшие сюда из других стран, скрывавшиеся от преследований секты вальденсов, лоллардов, пикардов, адамитов. Чешский народ был волнуем множеством самых разнообразных учений, и некоторые из этих учений, отличаясь самыми дикими крайностями, давали повод противникам распространять дурную славу о всем чешском народе. Вековая религиозная рознь, взаимные распри и споры, недостаток определенности и постоянные колебания в религиозных стремлениях ослабляли нравственные силы чешского народа.

Между тем в начале XVI века кругом Чехии поднялось сильное религиозное движение в среде самого романо-германского мира. Учение Лютера, Цвинглия, Кальвина и других реформаторов всколебали всю западную Европу. Загорелась сильная литературная, и затем политическая борьба между старым католическим миром и новыми протестантскими обществами. Чехи, поставленные в самом центре этого движения, волей-неволей должны были принять в нем участие, и стать на сторону той или другой из борющихся партий. Одна часть чехов преимущественно из наиболее консервативной партии утраквистов решилась теснее сблизиться с католической церковью. Другая более значительная часть, находя в учение германских реформаторов повторение идей своего великого народного учителя Гуса, пристала к протестантам. Чешские братья, после

неоднократных совещаний с самим Лютером и другими германскими учителями (в 1523, 1535, 1542 годах), находя преимущественно нравственную сторону протестантства неудовлетворяющим их требованиям, желали удержать самостоятельность своих общин. Тем не менее одна кож, при неопределенности своего догматического учения, общины братьев мало-по-малу стали поддаваться крайностям протестантских идей, отступая от своих прежних более чистых и близких к православию гусситских преданий. Таким образом религиозная и национальная самостоятельность чешского народа в XVI веке еще более стала колебаться, и чехи опять стали подчиняться нравственному влиянию немцев.

К довершению несчастий, в XV и XVI веках пошли беспорядки в политическом состоянии чешской страны. Древняя династия прирожденных чешских государей, хотя и значительно онемечившаяся со времен Карла IV, и действовавшая нередко вопреки национальным чешским интересам при последних своих представителях Вячеславе, Сигизмунде и Альбрехте, но все еще любимая чешским народом, пресеклась в 1439 году. После девятилетней анархии, один из знатных воевод чешских Юрий Подебрадский захватил власть в свои руки, и более 20 лет (с 1448 до 1471 года) управлял Чехией – сначала в звание земского правителя, потом с титулом короля. При нем чешская страна возшла на высшую ступень могущества. При нем стали утихать несколько и распри между различными религиозными партиями, существовавшими в Чехии, и чешская церковь утравкистов, не смотря на все проклятия и интриги папства, под руководством Подебрада и Рокицаны, стала принимать правильную и твердую организацию. Тем не менее, при существовавшем в Чехии сильном соперничестве знатных аристократических фамилий, Юрий Подебрад не решился королевскую власть в Чехии утвердить за своим родом, и сам пред смертью завещал чехам избрать на престол иностранного государя. Несколько десятков лет (с 1471 до 1526 года) Чехия находилась под управлением государей Ягеллонова рода, властвовавших в то же время в Польше и Венгрии. Но когда и эта династия пресеклась со смертью короля Людовика, погибшего в битве с турками при Могаче (29 августа 1526 года), королем чешским объявлен был герцог австрийский Фердинанд, брат знаменитого германского императора Карла V, после него (с 1558 года) сделавшийся и германским императором. С этого времени Чехия перешла под власть государей габсбургского дома, которые в то же время владели землями австрийской и венгерской короны, и до нынешнего столетия имели за собою титул германских императоров.

Эпоха габсбургской династии явилась самой несчастною эпохой в истории Чехии; в продолжение её национальная и религиозная самостоятельность славного чешского народа доведена была до крайней степени упадка. Габсбургский род из всех царствующих фамилий в Европе по преимуществу всегда отличался приверженностью к католической церкви, религиозной нетерпимостью и стремлением к подавлению свободных национальностей. Габсбурги на первых порах обещали чехам охранение их национальных прав и религиозной свободы. Но эти обещание очень скоро стали нарушаться. Уже Фердинанд I (он управлял Чехией с 1526 до 1564 года), считавший себя после своего брата Карла V главною опорою католицизма в Европе, призвал в чешскую страну иезуитов и стал истреблять памятники чешской старины, и стеснять национальные права и религиозную свободу чехов. Впрочем он еще не решался поднимать в Чехии общих преследований за веру. Он довольствовался пока преследованием *общества братьев* и других мелких сект. Для большинства же утраквистов, чтобы лучше привлечь их к католицизму, он даже исходатайствовал у папы утверждения *базельских компанктатов*, и сами иезуиты раздавали народу причащение под обоими видами. Дело впрочем ведено было так искусно, что скоро будто бы сами чехи отказались от базельских компанктатов, и утраквисты стали делаться настоящими католиками. Сын Фердинанда, Максимилиан II (с 1550 до 1576 года), более добросовестно исполнял свои обязательства по отношению к чехам, и не стеснял их в свободе вероисповедания. Но последовавший затем император Рудольф I (с 1576 до 1612 г.) шел по следам Фердинанда еще с большим коварством и насилиями. При нем, по известиям чешских историков, многие магнаты, подслуживавшиеся правительству, стали с собаками загонять своих поселян в католические костелы, где латинские священники насильно заставляли их принимать причащение под одним видом. Наконец высшей степени коварства и жестокости достиг деспотизм габсбургов над Чехией при царствовании Фердинанда II (с 1617 до 1637 года), положившего конец чешской национальной и религиозной свободе, и на целые века убившего чешскую народность. Свободолюбивые чехи не могли равнодушно сносить тиранства габсбургов, и на первых порах габсбургского господства часто поднимали восстание, и пытались даже вновь отделить свою землю от австрийских владений. Так в 1608 году выведенные из терпения насилиями Рудольфа I, они предложили престол его брату Матвею; в 1617 году, при вступлении на габсбургский престол Фердинанда II, они избрали себе другого короля Фридриха Пфальцского. Но все эти восстание, истощая

силы чехов, кончались победою габсбургского правительства, и влекли за собою новые насилия и преследования. Наконец, когда в последней несчастной битве за свободу отечества при Белой Горе (8 ноября 1620 года) чехи окончательно истощили свои силы, настала над чешскою страню ужасная расправа со стороны габсбургского правительства. 21 июня 1621 года 47 знаменитейших представителей чешской страны, отличавшихся знатностью рода, или ученостью, или влиянием на народ, были казнены самыми позорными и мучительными казнями: головы многих из них выставлены на железных шестах на башнях городских, а тела брошены без погребения в разных местах города. Затем объявлено было обещание помилования другим знатным чехам, помогавшим восстанию, под условием, если они сами признаются в том. 728 панов и рыцарей, большинство чешской аристократии, с доверием к правительству отозвались на это объявление. Их имена приказано было переписать, и затем у всех них конфискованы имения, равно как и у тех, которые сами еще прежде оставили страну. Множество знатных пражских граждан подвергнуты были позорной экзекуции, и выгнаны из страны. Профессоры пражского университета, учителя и священники протестантские, и все члены *общества чешских братьев* (с тогдашним своим настоятелем знаменитым ученым XVII века Амосом Коменским) также принуждены были оставить страну⁶. В пражском университет все должности и профессорские кафедры замещены иезуитами. Большую часть памятников древней чешской истории, особенно гусситской эпохи, приказано было истреблять. Не оставляли в покое и давно умерших знаменитых деятелей гусситства; прах Рокицаны был сожжен по приказанию правительства. Книги, написанных на чешском языке, приказано было солдатам собирать по домам, сносить на площади, и жечь без разбора. Фердинанд II задался мыслью восстановить в Чехии единую католическую веру, несмотря на то, что в Чехии тогда, как полагают, только десятая часть население принадлежала к католической церкви. Началось прежде всего с того, что из Чехии в 1621 году изгнаны были члены общества братьев и протестантские священники и учителя. Затем в 1622 году все иноверцы не католики удалены были от правительственных должностей. В 1624 году один за другим следовали указы императорские, в которых вера католическая объявлялась господствующею в Чехии, приказано было храмы протестантские обращать в католические, воспрещалось совершение всякого богослужения, кроме католического, объявлялись незаконными все браки заключенные вне католической церкви, запрещалось иноверцев принимать в городские сословия и позволять им

заниматься ремеслами и торговлей. Наконец 13 июля 1626 года от Фердинанда вышел решительный приказ, в котором объявлялось, что цезарь не хочет терпеть в чешском королевстве ни одного жителя, который бы не захотел быть с ним одной веры. Для перемены веры назначен был шестимесячный срок; кто в продолжение его не обратится в католицизм, тот должен был продать имущество и выселиться из страны; даже больных иноверцев, находящихся в госпиталях, если они не обратятся в католицизм, приказывалось без всякой пощады выгонять, каково бы ни было их болезненное состояние. Для приведения всей страны в католицизм учреждена была особенная *преобразовательная комиссия*. По городам и селениям разсланы были воинские отряды и целые полки для насильственного обращения жителей в католичество; при этом в иных местах жители, сопротивлявшиеся насилию, были истребляемы целыми толпами. Около 36.000 семейств по указу императорскому удалились из Чехии; множество домов в селениях и городах оставалось без жителей. В ноябре 1627 года император Фердинанд, лично прибыв из Вены в Прагу со всем своим двором, созвал сейм, и на нем объявил уничтоженными все доселе существовавшие национальные права чехов; престол королевства чешского объявлен был наследственным в роде габсбургов, а неизбирательным, как было доселе; употребление чешского языка в судах и земском управлении отменено; религиозная свобода уничтожена навсегда; католическое духовенство поставлено во главе управления страны. Но и этим не кончились несчастье Чехии. Чехия вслед за тем сделалась беззащитною жертвою в кровавой борьбе между католицизмом и протестантством во время жесточайшей из европейских войн, тридцатилетней войны; в продолжение этой войны (1618– 1648 г.) Чехия неоднократно была занимаема то, католическими, то протестантскими войсками, и от тех и других подвергалась всем бедствиям военного насилия. После царствования Фердинанда II, после тридцатилетней войны в Чехии из трех миллионов прежнего населения осталось только восемьсот тысяч жителей. Всякие порывы чешской национальной и религиозной самостоятельности были убиты. Чехия сделалась католическою страной; небольшие остатки приверженцев других исповеданий должны были скрываться в тайне. На место свободных общин чешских братьев, в Чехии распространилось почти до 200 католических монастырей, завладевших большими богатствами после казненных и изгнанных в чужие страны знатных чешских владельцев. Главнейшую силу в стране составляли иезуиты. Им поручаемы были высшие правительственные места и управление учебными заведениями. Из так-

называемых земель чешской короны была образована особенная провинция иезуитского ордена, и иезуиты в короткое время открыли в Чехии 13 своих коллегий. Они всячески стирались всюду разыскивать и истреблять последние памятники чешской истории и литературы, заставляя парод забывать о прежних судьбах своего отечества, перестраивать всю чешскую историю на свой образец. Так они в своей истории совершенно старались изгладить из памяти народной то, что Чехия когда-то была православною страной, держалась восточных обрядах, и имела славянское богослужение; память св. Кирилла и Мефодия иезуиты старались затмить памятью о подвигах Войтеха пражского, св. Вячеслава и Людмиллу представляли приверженными к римской церкви, гусситскую эпоху старались представить отвратительным и позорным пятном в истории чешской, народное уважение к памяти мученика чешской свободы Яна Гуса обратили на сочиненного ими святого, патрона Чехии, Яна Непомука ² и т. д.

Таким образом чешская национальная и религиозная самостоятельность была по-видимому убита навсегда. В XV⁴⁰;III веке большая часть еще оставшихся в Чехии знатных аристократических родов забыли свой народный язык и славную историю своей страны, переменили свои старые родовые фамилии на немецкие, и стали во всем подражать немцам. Чехия и соединенная с нею Моравия сделались совершенно католическими странами. Народный язык, народные нравы и обычаи, остатки древних народных преданий хранились только бессознательно в массах простого народа. И между-тем во время такого крайнего упадка чешской национальности, когда по-видимому чехам, подобно, как древним прибалтийским славянам, угрожала уже опасность – совсем утратить свою народность, в многострадальной Чехии вновь поднято было знамя национальной самостоятельности не только для чешского народа, но и для других славянских племен. Этому способствовали некоторые особенные обстоятельства, обнаружившиеся в движении европейской жизни вообще, и в частности в положение австрийской империй и самой чешской страны.

Во всей Европе с конца XV⁴⁰;III и в XIX столетий в различных степенях и проявлениях сознательно и бессознательно стало сказываться стремление к облегчению участи и возвышению всяких приниженных личностей, низших классов народа, и угнетенных национальностей. Это стремление уже дало свои результаты в освобождении греков, сербов, в объединении Италии. Оно стало отзываться в значительной степени и на судьбе чешского народа, как показала история, сохранившего еще много крепких залогов к восстановлению своей национальности.

В австрийской империи во второй половине XVIII века замечательную эпоху составило правление императора Иосифа II. Он много способствовал хотя и без намерения, пробуждению чешской национальности. Отступив от наследственной политики габсбургов, он объявил свободу вероисповедание в своей империи, и уничтожил много католических монастырей. Это было благоприятно как для большей части австрийских подданных, так в особенности для чехов. Что Чехия, не смотря на полуторавековые старания иезуитов, далеко еще не сделалась вполне преданной католицизму страной, – это обнаружилось само собою, как скоро объявлена была свобода вероисповедание в австрийских владениях; в Чехии оказалось много протестантов и последователей других сект, так что либеральный Иосиф II нашел даже нужным ограничить свободу исповедания для некоторых чешских сектантов. По отношению к национальному развитию чехов политика Иосифа II была направлена неблагоприятно. Сознывая один из первых, что внутреннюю слабость и существенную опасность австрийской монархии составляет разноплеменность живущих в ней народностей, Иосиф II одною из главных своих задач поставлял сгладить эту разноплеменность, давши над всеми другими народностями империи преобладание немецкой национальности. Поэтому при нем еще более, чем при его предшественниках, дано было исключительное господство немецкому языку и немецкой национальности – в школах, в судах, во всех общественных делах и учреждениях. Но это исключительное господство немцев, угрожавшее совершенным подавлением другим народностям, стало возбуждать в них реакцию, и чехи выступили здесь первые за сохранение своей национальности. Реакция против германского влияния началась в области научной и литературной. Несколько ученых стали заниматься изучением своего народного языка, розыскам древних памятников национальной чешской истории и литературы. Добровский, как его называют – отец славянской филологии и славянского национального движение, изданием славянской грамматики, в которой он показал родство всех существующих славянских наречий, положил начало пробуждению идей единства и самобытности славянского племени. Его даровитые, широко образованные, и преданные народным интересам ученики – Шафарик своими «Славянскими Древностями» (обширное и ученейшее исследование о древнейших судьбах славянства, переведено на русский язык профессором Бодянским), Палацкий своей многотомной историей чешского народа, написанной, насколько позволяло ему его положение и австрийская цензура, в национальном чешском духе, Ганка

открытием и изданием драгоценных памятников древней чешской литературы («Краледворская Рукопись») способствовали дальнейшему развитию национального самосознания не только между своими соотечественниками чехами и моравами, но и между другими славянскими племенами. Поэт Колар, воспевший в своей поэме «Дочь славы» замечательнейшие национальные подвиги всех племен славянских, явился горячим провозвестником объединения славян (панславизм). Кроме этих главных вождей национального движения, явилось в Чехии много других замечательных деятелей, способствовавших развитию народного самосознания, Юнгман, Челяковский, Пресль, Пуркине, замечательный поэт недавнего времени Гавличек, положивший жизнь свою в преследованиях от австрийского правительства за преданность национальным интересам, замечательнейший из современных литературных и политических вождей Чехии Ригер и др. Знатные чешские аристократы стали помогать национальному движению своим общественным влиянием и материальными средствами. Графы Штернберг в Коловрат положили основание народному музею и библиотеке. Палацкий, получивший звание государственного историографа и большое значение в чешской администрации, основал общество для содействия развития наук и словесности чешской (чешская матица). Национальное движение из области литературной перешло в область политическую. Чехи, не смотря на все стеснения, интриги и обманы со стороны австрийского правительства, уже успели добиться возвращения некоторых национальных прав, и не перестают искать и надеяться больших и больших – до совершенного восстановления национальной самостоятельности. Для восстановления религиозной самостоятельности чехами, пока их внимание слишком занято политическими и литературными вопросами, сделано еще мало. Тем не менее в этой области уже заметно некоторое движение. Стремление к восстановлению богослужения на славянском языке начало сказываться в Чехии еще с конца прошлого века – со времен Добровского, и в нынешнем столетии неоднократно высказывалось весьма знаменательно, точно также и стремление к уничтожению безбрачия духовенства и восстановления причащений под двумя видами. В народе более к более растет уважение к народным славянским святым – Кириллу и Мефодию, св. Вячеславу, св. Прокопию, Яну Гусу – и напротив к католическим святым Войтеху Пражскому, Яну Непомуку заметно слабеет. С дальнейшим развитием народного самосознания между чехами должно более и более распространяться не сочувствие к католицизму, сделавшему так много зла

Чехии в различные периоды её истории. Начинаясь обнаруживаться сближение с восточным православным славянством – по общим вопросам национальным, может возратить чехов, при помощи Божией, и в высшему крепчайшему единению с восточным православным миром в убеждении религиозном, чего усердно желать и просить у Бога должно искренним сынам православного славянства.

Примечания

Какой был этот перевод, писанный *росскими* буквами, об этом между учеными славянистами делались различные догадки: одни предполагали, что у славян живших на северном берегу Черного моря, еще до изобретения св. Кириллом общеславянской церковной грамоты, была уже своя письменность (глаголицкая или другая какая) и свой перевод некоторых священных книг. Другие думают, что это был известный перевод епископа Ульфилы, сделанный еще в 1-м веке для готских христиан. Некоторые, наконец полагают, что известие о *росском* переводе Евангелия, находящееся в жизнеописание св. Кирилла, составленном позднее и вдали от поприща его проповеди между хазарами, вероятно основано на каком либо недоразумении. По недостатку ясных исторических данных, трудно об этом предмете установить какое-либо определенное мнение.

Скоро после путешествия св. братьев в Хазарию происходит довольно значительное движение в пользу христианства между южно-русскими славянами. В 866 или 867 году киевский князь Аскольд держал поход на Константинополь. Поход этот оказался неудачен. Буря разбила суда киевлян у берегов Константинополя. Греки и киевляне приписали это событие заступничеству силы Божией, – и вслед затем вызван был в Киев из Константинополя епископ проповедник. Проповедь его имела успех, и с этого времени начинает между русскими славянами более и более распространяться христианство.

Относительно этого важнейшего в славянской истории факта, т. е. изобретение славянской письменности и перевода священных книг на славянский язык, есть в науке много спорных не выясненных еще вполне вопросов. 1) Кому из св. братьев главным образом принадлежит это великое дело? Само изобретение азбуки и первые переводы священных книг на славянский язык бесспорно признаются всеми делом св. Кирилла, но потом дальнейшие переводы были сделаны им вместе с св. Мефодием, а потом после смерти св. Кирилла труд был продолжаем одним Мефодием и его учениками, – какая доля труда принадлежит, в этом деле тому и другому из св. братьев, трудно разграничить. 2) Был ли св. Кприлл первоначальным изобретателем, или только усовершеншителем славянской письменности? У славян издавна существовали две древних азбуки – так называемая Кириллица, составленная по образцу греческой, и доселе (с некоторыми изменениями) находящееся в употреблении у православных восточных славян (русских, сербов, болгар), и другая Глаголица, в середине века употреблявшееся преимущественно у западных адриатических славян – католиков (отчасти – хотя мало – употреблявшаяся у чехов и болгар, и почти совсем неизвестная русским. Эта азбука по начертаниям своим гораздо несовершеннее и искусственнее Кириллицы, и более подходит к восточным письменам еврейским, арабским, сирским. Одни из ученых славянистов полагают, что до св. Кирилла у славян не было никакой письменности, и изобретенная им Кириллица есть первая славянская азбука, а Глаголица уже позднее в средние века изобретена агентами латинства, дабы отторгнуть западных славян от письменного общения с восточными славянами, и чрез то удобнее привлечь их к западной церкви. Другие думают, что Глаголица древнее Кириллицы, и что следовательно св. Кирилл не изобрел, а только усовершеншил славянскую письменность, заменив в ней несовершенные глаголические знаки более совершенными. Некоторые наконец полагают, что св. Кириллом первоначально была изобретена именно Глаголицкая азбука, а потом уже позднее учеником св. Мефодия Климентом в Болгарии она преобразована в так называемую Кириллицу. 3) В каком году изобретена св. Кириллом славянская азбука, и на какое из славянских наречий были переведены св. братьями книги священного Писание? Большая часть западных ученых и некоторые русские изобретение славянской азбуки относят к. 862 году, когда св.

Кирилл и Мефодий были вызваны на проповедь в Моравию, и полагают, что книги свящ. Писания были переведены ими на моравское наречие. Другие русские ученые думают, что это дело начато было св. Кириллом гораздо раньше ещё до путешествия в Хазарию в 865 году, и что перевод свящ. Писания сделан был св. братьями первоначально для их соотечественников южных славян македонских и болгарских на их наречие. Нужно при этом иметь во внимании, что южные и западные славянские наречия тысячу лет назад не так различались между собою, как в настоящее время. 4) Какие книги были первоначально переведены на славянский язык св. братьями? Этот вопрос также не легко решить. По жизнеописаниям св. братьев видно, что ими первоначально были переведены книги особенно необходимый для богослужения – Кириллом, и Мефодием вместе – Евангелие, Апостол, Псалтирь, Часослов, Октоих. Служебник, Паремейник, потом св. Мефодием после смерти Кирилла закончен перевод всей Библии (кроме книг Маккавейских) и вновь переведен Номоканон и некоторые из писаний св. Отцов, – а потом уже после св. Мефодия его учениками – св. Климентом в Болгарии и другими переведены оставшимся богослужебный книги (Минея) и многие писания св. Отцев. 5) В том ли виде дошли до нас переводы священных и богослужебных книг, в каком они первоначально сделаны св. Кириллом и Мефодием и их учениками. Переводы эти впоследствии были неоднократно подновляемы, но в основе своей они остались такими же, какими вышли из рук святых переводчиков, и поэтому мы имеем полное основание считать св. Кирилла и Мефодия установителями священного и богослужебного языка нашей церкви.

Некоторые предполагают, что оба св. брата Кирилл и Мефодий (или только Кирилл.) получили епископство еще в Константинополе, когда только отправлялись на проповедь в Моравию. жизнеописаниях их об этом не говорится; по преданием оба святые брата в православных службах церковных поминаются епископами моравскими.

Этот замечательнейший памятник древней славянской письменности состоит из двух частей. Первая часть его писана Кирилловскими письменами, полагают, рукою самого св. Прокопия; затем другая часть писана уже Глаголицкими буквами, вероятно после св. Прокопия – в то время когда латинская иерархия, имевшая целью истребить в Еммаусском монастыре следы православия, старалась распространить в нем Глаголицу на место Кириллицы. Во всяком случае Еммаусское евангелие служит неопровержимым свидетельством того, что в древности в Чехии совершалось богослужение на славянском языке. Замечательна судьба этого евангелия. После того, как латинские монахи, поселившиеся в Еммаусском монастыре, старались истребить в нем следы древнего православия, это евангелие было оставлено ими нетронутыми. Затем, когда чешские короли со времен Карла IV сделали вместе и немецкими императорами, это евангелие было перенесено в Реймс, где обыкновенно короновались немецкие императоры. Таким образом в продолжение нескольких следующих веков верховные главы немецкого народа и всей Западной Европы, при вступлении своем на императорский престол в Реймсе, произносили свою присягу пред евангелием славянским. Западно-европейские ученые не обращали внимания на внутреннее содержание этого памятника, и не знали, какими письменами он писан. Наконец уже во второй половине прошлого столетия некоторые русские путешественники, бывшие в Реймсе, рассмотрели, что это евангелие славянское. Это открытие обратило на себя внимание ученых исследователей славянской истории. Затем, в начале нынешнего столетия, это евангелие, вероятно не без содействия иезуитов, исчезло, неизвестно куда. Наконец уже в сороковых годах оно вновь открыто и издано чешскими учеными,

Большая часть общества братьев, оставивши Богемию, переселилась в Силезию, Саксонию, Польшу; оттуда впоследствии многие из них перешли в Россию (в Сарептскую колонию и в Остзейский край) в Швецию и в другие страны, даже в Северную Америку. В Силезии братья нашли себе убежище и сильное покровительство во владениях богатого, проникнутого религиозным энтузиазмом графа Цинцендорфа. Он увлечен был нравственною строгостью и внутренним устройством этой секты, исходатайствовал для ней право свободы исповедание от саксонского правительства, и основал колонию Гернгут, которая должна была стать средоточием «возобновленной моравской церкви. С этого времени общество братьев стало называться гернгутерским. Оно нашло себе много приверженцев и между немцам, но вместе с тем само еще более подчинилось немецкому протестантскому влиянию. В 1749 году общество гернгутеров, по требованию саксонского правительства, должно было официально принять аугсбургское исповедание, сохраняя впрочем свое прежнее внутреннее устройство. Таким образом в настоящее время гернгутеры или моравские братья по многим пунктам догматического учения сходятся с протестантам, но во внутреннем устройстве и в самом духе их общин сохранилось еще много остатков древних гусситских преданий.

Доктор Ян из местечка Помук, генерал-викарий пражского архиепископа, жил в конце XIV века, при короле чешском Вячеславе, и сделался известен, как ревностный защитник некоторых привилегий католического духовенства, оспариваемых королем Вячеславом, за что и был утоплен по приказанию короля в 1393 году. После его смерти, и в продолжении XV и XVI веков, о нем в Чехии не было воспоминаний. В XV40;II иезуиты стали усердно стараться прославить имя святого Яна из Помука, чтобы вытеснить из памяти народной другое, дорогое чехам, но опасное и ненавистное для католицизма, имя святого Яна из Гуссинеца. О Непомуке было составлено множество легенд, имеющих отчасти романтический характер, отчасти и с примесью некоторых преданий, доселе относимых народом к личности Гуса. Непомуку было воздвигнуто множество статуй. В 1728 году иезуиты собрали от приверженных знатных чехов светских и духовных 78 прошений о канонизации Яна Непомука, как народного чешского патрона, и представили их папе. 19 марта 1728 года Ян Непомук и был канонизирован, будто бы по желанно чешского народа. Четыре имени, по замечанию одного из ученых были особенно чтимы чехами в четыре различных периода их 1200-летней истории: имя языческого бога Святовита в древнейший период чешской истории до принятия христианства; имя святого князя Вячеслава с X до XV века; имя великого мученика чешской религиозной и национальной самостоятельности Яна Гуса в период славнейшего развития той и другой в XV и XVI веках; и наконец имя выставленного иезуитами святого Яна Непомука в габсбургский период чешской истории – в период крайнего упадка чешской национальной и религиозной самостоятельности. В новейшие времена уважение к имени Яна Непомука в Чехии значительно начинает слабеть. Не предвещает ли это новой лучшей эпохи для чешского народа под знаменем святых имен Кирилла и Мефодия – в союзе с другими православными славянскими племенами?